

Лингвистическое измерение философского знания

И.М. Слемнева

*Учреждение образования Витебский филиал Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный институт трудовых и социальных отношений»*

Философия является методологической основой лингвистики. Но между философией и лингвистикой существует не только прямая, но и обратная связь. Влияние языкознания на философию осуществляется по различным направлениям. Лингвистическая культура генераторов новых философских идей способствует оптимальному языковому выражению метафизических сущностей. Знание основ лингвистики оказывает неоценимую помощь для формирования категориально-понятийного аппарата философии. Привлечение языкознания крайне необходимо при поиске философем, которые в неявном виде присутствуют в художественной литературе. Без овладения тайнами слова и словосочетаний невозможно осуществить корректную интерпретацию литературно-художественного произведения со скрытым философским подтекстом. Сотрудничество языкознания и философии помогает созданию языковой картины мира. Добротное языковое обеспечение учебного процесса дает возможность повысить эффективность философского образования студенческой молодежи.

Ключевые слова: лингвистика, философия, языковая форма, категориально-понятийный аппарат, философема, языковая картина мира, картина мира с филологическим уклоном.

Linguistic measurement of philosophic knowledge

I.M. Slemneva

*Educational establishment Vitebsk branch of the Federation of Trade Unions of Belarus
«International Institute of Labor and Social Relations»*

Philosophy is a methodological basis of linguistics. Still the link between philosophy and linguistics is not only direct but also reverse. The influence of linguistics on philosophy goes along different directions. The linguistic culture of generators of new philosophic ideas contributes to optimal linguistic expression of metaphysical essences. Knowledge of the bases of linguistics renders valuable assistance for the formation of the category and notion apparatus of philosophy. Application of linguistics is vitally important while searching for philosophemes which are present in fiction in a blurred type. Without mastering the secrets of the word and word combinations it is impossible to make correct interpretation of a work of fiction with a concealed philosophic meaning. Cooperation of linguistics and philosophy helps to create the linguistic picture of the world. Good quality linguistic provision of the education process makes it possible to increase the efficiency of philosophic education of students.

Key words: linguistics, philosophy, linguistic form, category and notion apparatus, philosopheme, linguistic picture of the world, philologically biased picture of the world.

Философия является универсальной методологической основой любой области научного познания. Не составляет исключения и лингвистика (языкознание, языковедение). Господствующие философские идеи соответствующей эпохи всегда прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно влияют на функционирование и развитие всех важнейших разделов «науки о слове». Данный факт общепризнан и опровержению не подлежит. Язык являлся объектом философской рефлексии на всех этапах развития цивилизации (античность, средневековье, Новое время). Особое внимание на язык как феномен культуры было обращено в первой половине XX века. В это время произошел т.н. «лингвистический поворот в философии»: логицизм Г. Фреге, логический атомизм Б. Рассела, теория «языковых игр» Л. Витгенштейна. Значительный вклад в развитие языкознания внесен философией структурализма (К. Леви-Строс и др.). Однако следует помнить, что в связке «философия–языкознание» последнее звено не является лишь ведомым, всегда выступающим в роли «страдательного залога». Здесь существует и обратная связь. Ведь не только «наука о слове»

нуждается в помощи со стороны «науки о мудрой мысли», но и наоборот. Влияние лингвистики на развитие философии изучено явно недостаточно. Эта тема является объектом предлагаемого исследования.

Материал и методы. Влияние языка (не только позитивное, но и негативное) на генерирование и понятийное оформление философских идей исследовано на основе классических и постмодернистских философских текстов, фрагментов художественной литературы. При рассмотрении лингвистических аспектов философии привлечены новейшие разработки отечественных и зарубежных ученых по освещаемой теме. Основными методами исследования являются анализ и синтез, единство исторического и логического, интерпретация, системно-структурный подход.

Результаты и их обсуждение. Воздействие языкознания на философию происходит по различным направлениям. Потребность погружения философии в сферу языка не как объекта специального исследования, а средства для разрешения внутренних проблем обусловлено рядом познавательных ситуаций. Важнейшими среди них, на наш взгляд, являются следующие: выражение продуцируемого философского знания в корректной языковой форме; создание категориально-понятийного аппарата философии; выделение философской компоненты (философемы) из литературно-художественных произведений со скрытым философским смыслом; конструирование языковой картины мира; повышение эффективности философского образования студенческой молодежи.

1. Строгое философское знание излагается на языке универсальных понятий, абстрактных категорий широкой степени общности. Это самый точный и мыслемкий способ выражения содержания философских идей. Вместе с тем неудачная вербализация делает их нередко труднодоступными для адекватного восприятия не только «публикой», но и философским сообществом. Семантическая неопределенность высказываний, а то и обычная лингвистическая небрежность, являются одной из причин отторжения философских концепций с достаточно высоким мировоззренческим и методологическим потенциалом духовной культурой соответствующего исторического времени. Это тот случай, когда языковая форма не просто затемняет смысловое содержание, но в какой-то степени даже деформирует его.

В качестве примера можно привести известную «темноту» Гераклита, которая являлась большим препятствием для ассимиляции развиваемых им диалектических идей философией античного мира. Как показал А.Ф. Лосев, в текстах Гераклита нельзя найти таких понятий, как «покой», «движение», «бытие», «становление», «материя», «дух», «развитие», «противоречие» и др. Подобным понятийным языком древнего мыслителя наделили позднейшие интерпретаторы его творчества, проведя тем самым корректную философско-лингвистическую обработку действительно довольно туманных размышлений [1]. Весьма сложными для восприятия были также абстрактные атомистические воззрения Левкиппа и Демокрита. Их прояснению, а вместе с тем и содержательному обогащению помог поэтический дар Лукреция. Его литературно-философская поэма «О природе вещей» не только способствовала популяризации идей о дискретном строении материи, но и позволила рельефнее обнажить их подлинную сущность. А вот некоторые идеи великого Гегеля, ориентированного на то, что надо не философию опускать до уровня народа, а народ поднимать до уровня философии, из-за вычурной терминологии (*бытие-в-ничто, для-себя-бытие, внутри-себя-бытие, вовне-себя-сущее, в-себе-и-для-себя-бытие* и т.п.) и тяжеловесного стиля до сих пор не могут быть интерпретированы однозначно.

Для того, чтобы знаково-символическая форма стимулировала развитие философской мысли, а не консервировала и, тем более, искажала ее, философ-творец должен быть вооружен методологией работы со словом и текстом. Формулу «мысль – за философом, а стиль – за филологом» не следует понимать буквально. Речь должна идти, если можно так выразиться, о целостном «философе-филологе». Хотя вторжение филологии в философию извне тоже бывает необходимым.

Философия, как и любая другая наука, имеет свой эзотерический язык, который не всегда понятен непосвященным. Но его не следует искусственно переусложнять. Ясное и прозрачное изложение философских идей (разумеется, при сохранении их содержательно-информационной ценности) прежде всего нужно потому, что они не замыкаются на узком круге профессионалов. Ведь философия затрагивает важнейшие жизненные смыслы человеческого существования. Однако, как верно заметил П.В. Алексеев, многие философы «заведомо усложняют свой философский язык, чтобы их поняло как можно меньшее количество людей, что, по-видимому, и выступает для них признаком истинного философствования» [2]. Они как бы хвастаются «перед публикой, подобно силачу,

“бицепсами терминологии”» [3]. В качестве примера приведем фрагмент рассуждений известного философа современности Ж. Делеза из его работы «Логика смысла»: «Точки фиксации, которые, подобно маяку, притягивают регрессивные процессы, всегда стараются обеспечить регрессию самой регрессии, когда та меняет природу с изменением измерения и, в конце концов, возвращается в глубину стадий, в которую опускаются все измерения» [4]. Проникнуть в суть сказанного крайне трудно. По крайней мере, складывается впечатление, что перед нами не образец «логики смысла», а полной бессмыслицы.

2. Методологическая помощь языкознания бесценна не только при формировании в духе требований лингвистики внешнего, семиотического слоя философского знания, но и семантической организации элементов его содержания. И речь идет не просто об изяществе философского слога, что само по себе тоже, безусловно, важно. «Красоты слога», – отмечает С.С. Аверинцев, – остаются «красотами слога»; они не приобретают нового качества из-за того, что на сей раз украшают не какое-либо иное, а именно философское сочинение» [5]. Филология способна на большее. Она может проникать в самую сердцевину творческого процесса в философии – мыслительную деятельность по продуцированию категорий и принципов. В философской сфере, как в общем и в любой науке, процессы словотворчества и мыслетворчества органически переплетены и синхронизированы во времени. Только в абстракции их можно отделить друг от друга. В определенном смысле мысль выясняет, корректирует и утверждает себя, соотносясь со словом, а слово – с мыслью.

Прекрасным образцом плодотворного воздействия филологии на философию может являться становление корректной системы философских терминов у древних греков. Живое бытовое слово подвергалось у них в полном соответствии с лингвистическими нормами всевозможным метонимическим, метафорическим и иным семантическим трансформациям. И так продолжалось до тех пор, пока не рождалось емкое философское слово-термин, обособленное от сферы бытовой речи.

Похожая задача стоит и перед современной философией, и, может быть, в первую очередь представленной на постсоветском пространстве (как в научном виде, так и в форме учебников и учебных пособий). Философский понятийный язык, доставшийся в наследство постсоветской эпохе, со своими структурно-концептуальными задачами явно не справляется. Это вполне естественно, ибо общество, мир науки и техники, и в какой-то степени сама природа стали другими. На обломках прежней официальной философии (ее достоинства и недостатки обсуждать не будем) возникла своеобразная «солянка» из фрагментов диалектического и исторического материализма и модных на западе постмодернистских философских школ и направлений. В итоге понятийно-категориальный аппарат современного философского дискурса зачастую оказывается в размытом состоянии [6]. В научный оборот вводятся термины, которые не несут дополнительной смысловой нагрузки по сравнению с языком философской классики (тренд, кластер, ризома, паттерн, симулякр, номадическое распределение и др.). Сказанное не означает, что вводить новые термины в понятийный язык философии нельзя. Это необходимо делать. Но лишь тогда, когда старый понятийный аппарат исчерпал свои экстенсивные и интенсивные возможности.

Создавать строгий философский язык, соответствующий реалиям нашего времени, нужно, разумеется, не с помощью обыденного слова, как это делали античные мыслители (они были первоходцами), а на основе осмысления философской, научно-технической и художественно-эстетической мысли, обобщения духовной истории человечества. В частности, можно признать вполне правомерным наделение философским статусом понятия «виртуальная реальность». Этот новый вид бытия является порождением компьютерной революции и требует специфического лингвистического обозначения. Для разработки понятийного языка современной философии требуются усилия не только философии, но и всех остальных наук, особенно филологии.

3. Способ бытия философского знания может быть не только категориально-понятийным, но и художественно-образным. В этом случае философские идеи как бы растворяются в поэтическом или прозаическом тексте (Данте, Сартр, Камю, Гоголь, Достоевский и др.), существуя в виде философемы (фрагмент философского знания в нефилософской литературе). Выделить философскую составляющую в «чистом виде», дать адекватную философскую интерпретацию анализируемому произведению не просто. Здесь нужна *философствующая филология*, которая в состоянии рассмотреть за хитроумными стилистическими фигурами, тропами и языковыми символами смутные очертания социально-политических, духовно-нравственных, религиозных и других воззрений мировоззренческого звучания. Для их вербальной презентации приходится прибегать к лексическому, фоносемантическому, а, нередко, и антропонимическому анализу текста.

В качестве примера обратимся к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Проникновению в мировоззренческую ткань этого литературно-художественного произведения во многом помогает лингвистический анализ имени центрального персонажа – «Раскольников». То, что оно является произвольным от глаголов «расколоть», «раскалывать», – не может вызывать сомнений. Автор неоднократно намекает на это, активно включая узловой антропоним в систему близких к нему семантических онтологий. Так, мысль об убийстве старухи была похожа на цыпленка, которой раскалывает скорлупу яйца (яйцо – прообраз головы). Технологию убийства студент обдумывает под треск бильярдных шаров, которые разлетаются во все стороны после удара кия (кий раскалывает бильярдную пирамиду). Игра на бильярде является своеобразной моделью убийства: топор-кий бьет по головам-шарам, мечущимся по комнате-столу. В бредовом сознании Раскольникова в единую цепь соединяются бильярдный шар (голова), яичная скорлупа (осколки головы), расколотый колокол (результат преступления). Да и знаменитый заклад (две пластинки, одна деревянная, другая металлическая, перевязанные крест-накрест тесемкой) также становится свернутой схемой убийства, его иноформой. Здесь закодированы само орудие убийства – топор (соединение дерева и металла), последующие физические и нравственные страдания героя (наличие тесемки – креста) и многие другие символические детали как преступления, так и наказания. Их в значительном количестве можно найти и в других местах произведения [7]. Совершенно очевидно, что эмблемный символ – студент с окровавленным топором – обстоятельно подкрепляется и этимологией фамилии убийцы «Раскольников», и всеми окружающими его предметами.

Ограничиваться лексическим анализом «гена сюжета» – ключевого слова «Раскольников» недостаточно. Ведь личное имя героя романа, особенно в своем развернутом виде «Раскольников Родион Романович» обладает необычайно мощной фоносемантикой, которая многократно усиливает смысл доминантного символа-эмблемы, и произведения в целом. Сознательно, в результате тщательного обдумывания, или интуитивно, спонтанно (нам представляется, что все-таки намеренно), для наименования студента-убийцы автор использовал буквы, с помощью которых легко образуются «зловещие» фонетические ряды. Так, в имени «Раскольников» они таковы, что анаграммируют слова *кровь*, *красно*, *колокол*, звукобуквенную связку *oor* (явно слышится топор). Причем, сочетание *oor* есть и в имени, и в отчестве главного героя романа. Растянутый по антропонимическому минитексту единый «кровавый» звукобуквенный смысл, чему особенно способствует тройное заглавное *Р*, индуцирует любимые слова «бесов», призывавших Россию к топору – революция, террор, расстрел, револьвер. Трибун революции В. Маяковский в стихотворении «Приказ по армии искусств» (1918) писал

Громоздите за звуком звук вы
и вперед, поя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
ЭР
ША,
ЩА.

С хорошим *Р* здесь все ясно. А вот *Ш* – это вероятнее всего красноармейская шашка, *Щ* – щелканье затворов и курков ружей и револьверов (знаменитые «товарищ маузер» и «револьверный лай»).

В итоге, зловещий факт убийства мелкой ростовщицы в контексте статьи студента Раскольникова о дозволенности любых средств для реализации революционных идеалов приобретает трагический смысл широчайшего социально-философского значения (от раскола единичной головы – к расколу всей России, а в мрачной перспективе, возможно, и всего мира). Удачная фонетическая организация «символического нерва» романа – имени главного действующего лица позволяет в этом смысле не только «услышать», но и «увидеть». В соответствии с эффектом звукоцветовой синестезии среднестатистическое ухо воспринимает озвученный антропоним в красно-бурых тонах («азбучная радуга» В. Набокова). Перечень произведений, которые ожидают своего филолого-философского осмысления, в том числе с помощью фоносемантического и антропонимического анализа, можно легко умножить.

4. Одна из ключевых задач философии, по крайней мере, в ее классическом варианте, – выявление универсальных связей и отношений бытия, внутренней логики его развития. Достигается это путем синтезирования различных частнонаучных картин мира, создаваемых на основе фундаментальных понятий и принципов соответствующей области знания. Свой вклад в обобщенный образ

реальности вносит и «языковая картина мира», которая формируется с помощью различных отраслей филологических наук.

В любом национальном языке, особенно в фразеологических оборотах, идиомах, фиксируется уникальный исторический опыт людей, специфика их архаического мировосприятия и миропонимания. Язык как «дом бытия» (М. Хайдеггер) позволяет судить о представлениях различных социальных общностей о жизни, смерти, вечности, бесконечности, пространстве, времени, движении, духовном и др. Сам по себе язык не создает самостоятельной картины мира. Он лишь привносит в мировоззрение «этнолингвистическую окраску».

Следует также признать интересными попытки конструирования наряду с механической, квантовой, релятивистской, кибернетической и другими научными картинами мира специфического «филологического образа мира» или картины мира с «филологическим уклоном» [8]. При ее создании вполне обоснованно считается, что между высшими и низшими уровнями организации материи существует органическая связь, которая делает их в структурном и функциональном отношении чем-то похожими друг на друга (принцип материального единства мира или на языке синергетики – фрактальности). В частности, формальным прообразом взаимодействия мельчайших материальных объектов природы может быть диалог, совершаемый на языке логики предикатов. Поскольку в логической структуре высказывания есть тема и рема, а в основе грамматической структуры предложений лежит обоюдная связь подлежащего и сказуемого, то аналогичная основополагающая пара сущностей отыскивается и в фундаменте материи (мире молекул, атомов, элементарных частиц, квантов и др.). Там, где естествоиспытатель видит субстанцию и происходящие на ее основе материальные процессы, филолог – предикативность, особую «сказуемость» сущего. Построенная таким способом модель в мировоззренческом и методологическом отношении возможно малопродуктивна. Но она имеет право на существование. А философия, которая стремится сделать универсальный «срез» бытия, должна ее учитывать.

5. Вторжение идей лингвистики в философию крайне необходимо для повышения эффективности философского образования студенческой молодежи. Опыт преподавания философии в вузе свидетельствует о том, что ее категориально-понятийный аппарат, основополагающие законы и исходные принципы даже в случае предельно четкого обнажения их сущности усваиваются обычно с большим трудом. Важнейшей причиной этого является высокий уровень абстрактности и схематичности соответствующего научного языка, отвлеченный характер излагаемой при его помощи проблематики. Философия – это самопознание культуры, рефлексия над ее основаниями, «мышление мышления». Вот почему студенты, у которых отсутствуют навыки абстрактно-понятийного мышления (если учесть, что философия в соответствии с общеобразовательным стандартом сейчас изучается на втором, а по ряду специальностей и на первом курсе, то таких студентов, если не преобладающее большинство, то очень много), нередко вынуждены механически заучивать туманные для них формулировки без осознания их подлинной сути и глубинного содержания.

Преодолению указанных трудностей в значительной мере способствует обращение на лекциях и семинарских занятиях по философии к лучшим образцам отечественной и зарубежной художественной литературы, особенно поэзии. В содержательном плане философия и поэзия близки друг другу, поскольку занимаются осмыслением предельных оснований бытия. Но если первая делает это в рационально-абстрактном, то вторая – в эмоционально-конкретном виде. В силу данного обстоятельства философские и поэтические языки не являются взаимопереводимыми. Однако, степень их семантического сопряжения такова, что позволяет использовать яркие поэтические образы в философском дискурсе. Применительно к учебно-познавательному процессу изящное и необычайно экономное поэтическое слово способно выполнять, по меньшей мере, следующие функции: поисково-эвристическую, иллюстративно-выразительную и эмоционально-экспрессивную [9].

Увлечаться услугами поэзии в процессе философского образования студентов, разумеется, нельзя. В противном случае образная художественная форма может деформировать смысловое содержание. В то же время «философскую планку» нужно поднимать до той высоты, которую в состоянии преодолеть студенческая молодежь. В противном случае после завершения встречи с философией кроме неприятных воспоминаний у них ничего не останется.

Заключение. Проблемное поле философии необычайно широко. В круг ее интересов входит разнообразная онтологическая, антропологическая, аксиологическая, праксеологическая, гносеологическая и иная проблематика. Чем бы, однако, не занималась философия, она нуждается в методологической помощи со стороны языкознания, лингвистики. В советскую эпоху очень много го-

ворилось о необходимости союза философии и естествознания. Этот союз необходим и сегодня. Но не менее важным является обеспечение тесного сотрудничества философии с филологией, особенно с ее ядром – лингвистикой. От такого союза в несомненном выигрыше оказывается, как было показано, не только языкознание, но и философия.

Литература

1. Лосев, А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика) / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1963. – С. 356.
2. Алексеев, П.В. Социальная философия / П.В. Алексеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – С. 256.
3. Ортега-И-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-И-Гассет. – М., 1991. – С. 54.
4. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М., 1995. – С. 293.
5. Аверинцев, С.С. От слова к смыслу. Проблемы тропогенеза / С.С. Аверинцев, И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг. – М.: УРСС, 2001. – С. 84.
6. Адуло, Т. Мыслящий «дух эпохи» / Т. Адуло // Беларуская думка. – 2005. – № 2. – С. 55–61.
7. Карасев, Л.В. Онтология и поэтика / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 74–75.
8. Щукин, В.Г. О филологическом образе мира / В.Г. Щукин // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 47–63.
9. Слемнева, И.М. Поэтические образы в философском дискурсе / И.М. Слемнева // Сборник докладов XI Научной сессии преподавателей и студентов, УО ФПБ «МИТСО», Витебский филиал, 17 апр. 2008 г. – С. 65–68.

Поступила в редакцию 16.03.2011

Адрес для корреспонденции: 210029, г. Витебск, ул. Правды, д. 41а, кв. 11, e-mail: innaslemneva@mail.ru – Слемнева И.М.